

Я-ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ПЕРСУАЗИВНОЕ

Српуи Ламбарджян

Ереванский государственный университет

“<...> рассмотрение языка как орудия мыслей и чувств – основа подлинного языкового исследования”.
(В. фон Гумбольдт)

Предлагаемое вниманию исследование посвящено роли модусной субъективной категории **персуазивности** в формировании и реализации эмоций.

Язык издавна рассматривается как орудие мыслей и эмоций; В. фон Гумбольдт указал на эту функцию языка и подчеркнул, что анализ языковых средств и способов выражения мыслей и чувств является “<...> основой подлинного языкового исследования” (Гумбольдт 1985:377).

Человек, **Я-Эго**, как известно, соткан из эмоций; удельный вес последних в сущностной фактуре личности велик. Эмоции выражаются вербально и невербально. Когда речь идет о вербальных средствах, то, в первую очередь, указывается на стилистические ресурсы и интонацию. Действительно, эти два мощных фактора играют важную роль в выражении эмоциональных замыслов языковой личности.

Между тем языковые факты убеждают в мысли, что есть и множество других ресурсов, выступающих в роли “орудия мысли и чувств”. И модусная категория персуазивности является одним из этих “орудий”.

Человек, как известно, явление сложное и многогранное; он состоит из многих начал: физического, мыслительного, эмоционального, социального... Все они отражены в языке и передаются теми или иными способами.

В. фон Гумбольдт своими философскими и культурологическими работами заложил основы тщательного изучения **Я-субъекта** в языке, хотя толчок был дан гораздо раньше, в эпоху Возрождения, когда *теоцентрические* представления о мироздании, мировосприятии были заменены *антропоцентрическими*, т.е. человек стал центром мироздания (Философия 1999). Следовательно, если раньше поиски на пути познания были направлены, в первую очередь, на космос, то антропоцентризм направил вектор исследований на человека, в частности, (и в особенности) на его внутренний мир. Об этом глобальном сдвиге свидетельствует появление новой научной парадигмы – *антропоцентрической*, в центре которой стоит человек во всей его сложности и многогранности.

Идеи В. фон Гумбольдта получили мощный толчок, и антропоцентризм стал активно внедряться в лингвистику с начала XX века благодаря трудам Ш. Балли, Э. Бенвениста и многих других (Балли 1955; Бенвенист 1974).

Новая научная парадигма ставит в качестве **главной цели всестороннее исследование всех проявлений Я-Эго** в языке, так как: “Замкнутость на субъективном появилась и в языке” (Философия 1999:136). И это естественно: ведь все, что происходит в жизни человека, не может не отразиться в языке.

Сквозная идея антропоцентрической парадигмы – *языковая личность*. “*Языковая личность есть личность, отраженная в языке, <...> личность, реконструированная в своих основных чертах на базе языковых средств*” (СЭС 2004:660).

Особенно интенсивно исследуется языковая личность в рамках одного из самых динамично развивающихся направлений антропоцентрической парадигмы – **лингвокультурологии**, преследующей **цель** – всесторонне описать сложнейшие отношения: **язык – культура – языковая личность**.

Для решения столь глобальной проблемы лингвокультурология предлагает множество путей и, в частности, следующий: “<...> *формирование антропоцентрической парадигмы привело к развороту лингвистической проблематики в сторону человека и его места в культуре, ибо в центре внимания культуры и культурной традиции стоит языковая личность во всем ее многообразии: Я-физическое, Я-социальное, Я-интеллектуальное, Я-эмоциональное, Я-речемыслеиспытательное*” (Маслова 2004:7).

Естественно, что все эти грани языковой личности должны изучаться, в первую очередь, в рамках модусных (субъективных) категорий – основных манифестантов **Я-субъекта** в языке (о модусных значениях подробнее см.: Белошапкова 1981; Филипповская 1978; Шмелева 1979 и др.).

Конкретизируем и уточним **цель** исследования в свете всего вышесказанного. Поиски будут направлены на исследование проблем, связанных с **Я-эмоциональным**, отраженным в языке через модусную (субъективную) категорию персуазивности. Иными словами, будет исследована проблема: каков потенциал персуазивности в реализации **Я-эмоционального**.

Определим **персуазивность** в том виде, в каком она понимается в современной лингвистике: это субъективная категория, входящая в число модусных компонентов и отражающая степень уверенности говорящего в достоверности информации (Белошапкова 1981; Шмелева 1979; Филипповская 1978 и др.). Ее формируют две сложно устроенные семантические области – **уверенности** и **неуверенности**, которые, в свою очередь, имеют сложную структуру (Ламбарджян 1981).

Многолетние наблюдения над персуазивностью убеждают в мысли, что это субъективный феномен, обладающий мощным эмоциональным потенциалом, т.е. разнообразными возможностями, позволяющими языковой личности проявить свои эмоции. Естественно, не любая персуазивная реализация – это и эмоциональное проявление **Я-Эго**. Так, например, в описательных текстах, переданных в режиме “**Я – здесь – сейчас – вижу и констатирую**”, говорящий структурирует эмоционально **нейтральное** сообщение. Это, например, репортажи с места событий, где передающий информацию старается максимально точно (заглушив субъективное **Я**) передать то, что видит, непосредственно наблюдает.

1) *Перед нами строительная площадка. Рабочие работают над закладкой фундамента...*

2) **Вижу** мальчика у ворот.

3) *И вдруг **вижу** – стоит около входной двери бедно одетая старушка.*
(М. Зощенко “Голубая книга”)

4) *Германн вошел в спальню. Перед кивотом, заполненным старинными образами, теплилась золотая лампада. Полинялые штофные кресла и диваны стояли <...> около стен.*
(А. Пушкин “Пиковая дама”)

[Здесь Германн видит и передает, т.е. воспринимающий информацию видит все глазами героя].

Или:

- 5) – *Петр приехал?*
– *Да, приехал.*
– *А ты уверен?*
– *Конечно, я его только что видел.* (Т. Устинова “Близкие люди”)
6) *Какие тучи! Наверно, будет дождь.*

Как видим, не всегда рассматриваемая категория структурирует эмоциональную информацию.

Сделаем еще одну оговорку: каждое из реализованных значений из семантических областей уверенности и неуверенности – это неразложимый сплав, квант эмоционального и мыслительного, сознательного и подсознательного. И в анализе фокусируется внимание на психоэмоциональной стороне этого неразложимого целого исключительно в целях анализа.

Я-эмоциональное в зеркале персуазивности

“Человек – вместилище сомнений, потрясений, страхов”.
(Т/к “Культура”, т/п “Л.Н.Толстой”, от 27.11.2011)

Человек, **Я-Эго**, как известно, явление сверхсложное. И один из существенных компонентов – это его психоэмоциональный мир. Он “соткан” из эмоций, самых разнообразных: амплитуда их простирается от радости, счастья до гнева, возмущения, ярости, смятений, сомнений и т.д.

Первый вопрос, на который следует дать ответ: способна ли рассматриваемая категория (в данном случае – **персуазивность**) выражать эмоции; если да, то какие?

Многолетние наблюдения над категорией персуазивности убеждают в мысли, что она способна выражать самые разнообразные эмоции, психоэмоциональные состояния, переживания. Приведем примеры:

1) **Счастье, радость.** <...> *настроение у нее было хорошее. Большая, дающая счастье уверенность наполняла ее.*

(Г. Фаллада “Волк среди волков”)

2) **Недоумение, растерянность, смятение.**

Мы думали, что нам казалось, а оказалось, что нам вовсе не казалось.

(Из писем телезрителей Е. Петросяну о развале СССР.

Т/п “Кривое зеркало”)

3) **Возмущение, гнев.**

Ты меня спрашиваешь, сочиняю ли я пьески, к чему у меня, кажется, как говорят, есть талант. Нет, я не сочиняю ни песок, ни пьес, а талант у меня есть, и мне это не кажется, а я точно знаю лучше их, и мне несколько нет дела до того, что им кажется, – я знаю, что я знаю.

(А. Соловцов “Римский-Корсаков”)

[Гениальный композитор выражает свой гнев по поводу сомнений окружающих].

4) **Гнев, ярость.**

– Игорь, почему ты не поговоришь с дядей Славой. **Мне кажется**, ты напрасно упрямишься.

– **Кажется ей**, снова **вспыхнул** Вильданов, – креститься надо, когда **кажется**.
(А. Маринина “Реквием”)

5) **Раздражение, несогласие.**

Я читал Г. Маркеса; **мы уверены**, что имеем дело со сплавом **реальности и мифа, рационального и иррационального**. Маркес же говорит: “В моих произведениях нет ничего, что **было бы недостоверно**”

(И. Зверев “О творчестве Маркеса”)

6) **Возмущение профессиональной позицией.**

[В номере убийцы ищут улики.]

– **Чутье мне подсказывает**, что мы тут ничего не найдем.

– Когда мне **чутье что-то подсказывает**, я **крещусь**.

(Т/с “Ангел-хранитель”)

7) **Гнев, неприятие, отторжение.**

Майор Полозов. Ваш дядя умер не в кровати, а при попытке застрелить нашего сотрудника.

Адвокат Иволгин. **Да что вы несете?**

Майор Полозов. **Я не несу, а докладываю факты.**

(Т/с “Ангел-хранитель”)

8) **Тяжелые эмоциональные переживания, смятение, неопределенность.**

Меня мучили сомнения. Все было зыбко. Может мне порвать с другими композиторами? Может, я глупец? Может, я пленник в этом замке?

(Т/к “Культура”, т/п “Эпоха барокко: тяжелые сомнения И.С. Баха”)

9) **Депрессивное психоэмоциональное состояние с последующим переходом в летаргическое: “сон-явь?”.**

Кружок света выхватил из темноты рукоятку кирки и **что-то странное** – белое и полукруглое. **Кажется**, спортивная туфля, **нет**, черный кед <...> с белой шнуровкой. <...> Фандорин повернул фокатор. Из темноты с бесшумной стремительностью **ночного кошмара** выросла фигура. <...> Увидев перед собой убитого Шурика, магистр испытал даже **не страх, а горчайшее, сокрушительное разочарование. Так он и знал. Все это сон. Обыкновенный сон.** <...> **Сейчас зазвонит будильник**, надо будет вставать, чистить зубы. <...> **Есть и другой вариант, менее приятный.** <...> **Это не сон, сумасшествие.**

(Б. Акунин “Алтын-толобас”)

10) **Эмоциональный шок, с результирующей позицией “Этого не может быть! Это галлюцинация”.**

[Кит заплыл в Темзу. Очевидец звонит в полицию.]

Не знаю, может, у меня галлюцинации, но мне кажется, что я вижу кита недалеко от парламента.

(Т/к “ОРТ”, программа “Новости”, от 19.01.2006)

Думается, что и приведенных контекстов достаточно, чтобы убедиться в мысли, насколько эмоционально насыщенную информацию может структурировать персуазивность; практически, данной модусной категории “по плечу” реализация любого эмоцио-

нального состояния, переживания.

Теперь обратимся к следующей проблеме: какими способами, средствами формирует и реализует категория персуазивности эмоциональные замыслы **Я-Эго**.

Можно наметить следующие направления анализа:

1. Эмоциональная реакция **на внешний/ на внутренний раздражитель**;
2. Эмоциональная реакция посредством прагматической (прямой) информации посредством проективной (переносной, иносказательной) информации.

Рассмотрим эти две оппозиции в рамках коммуникативных интенций **Я-эмоционального персуазивного**.

Персуазивные эмоциональные реакции на внешние раздражители

Здесь будут рассмотрены персуазивные эмоциональные реакции, обусловленные внешними факторами. Известно, что эмоции есть результат раздражения: *внешнего* или *внутреннего*.

Внешние раздражители могут вызвать два типа реакций: *внешнюю* и *внутреннюю*.

1) [Кит заплыл в Темзу перед парламентом.] **Не знаю, может, у меня галлюцинации, но мне кажется, что я вижу кита недалеко от парламента.**

(Т/к “ОРТ”, программа “Новости”, 19.01.2006)

2) [Минут пятнадцать назад тело “убитого” Гутюши полицейские вынесли из квартиры. И вот он опять в дверях.]

Я устала на Гутюшу, даже потрогала.

– **Слушайте, вы уверены, что это Гутюша? И притом живой?**

– **Минут пятнадцать назад вполне ощутимо наступил мне на мозоль, так что, по-моему, даже слишком живой, – пробурчал Тадеуш. А что, по этому поводу есть сомнения?**

(И. Хмелевская “Тайна”)

3) [Перри Мейсон – владелице музея бесценных картин, одну из которых похитили.]

Перри Мейсон. **Почему вы сразу не обратились в полицию?**

Владелица. **Кажется, вас это не касается!**

Перри Мейсон. **Мне кажется, это касается суда!**

(Т/к “Культура”, т/с “Перри Мейсон”)

4) [Полицейский возмущен тем, что все вызовы Иоанны сопряжены с трупом.]

Как ни придешь, сразу труп. Может, предупредите, сколько их у вас запланировано?

(И. Хмелевская “Тайна”)

5) [Маршал Рока возмущен неопределенностью ответов подчиненных.]

– **Так он умер естественной смертью, или его убили, отравили?**

– **Кажется, отравили.**

– **И все только, кажется, ничего определенного.** (Т/с “Маршал Рока”)

6) [Гнев из-за халатного отношения коллег к делу.]

Полковник Петренко. (Передразнивая) **Может, так, а может, не так. Сидите тут и гадаете на кофейной гуще. Идите, работайте!**

(Т/с “Опера”, “Хроники убийного отдела”)

7) [Потрясение от опровержения очередной “достоверной истины”.]
– Земля – не центр Вселенной, а всего лишь одна из планет, вращающихся вокруг светила <...>

– **Не может быть!** – вскричал **потрясенный** капитан. – **Всякий видит**, что Солнце обращается вокруг Земли.

– **Не всегда нужно верить своим глазам**, – улыбнулся ему аптекарь.
(Б. Акунин “Алтын-толобас”)

8) [Раздражение, интеллигентное указание на свое место: королева Елизавета I Тони Блэру в бурные дни гибели принцессы Дианы, когда тот пытается дать совет, как поступить с народом.]

Сомневаюсь, что вы знаете народ лучше меня. **Думаю**, что скоро ажиотаж закончится и народ поймет все. (X/ф “Королева”)

9) [Выражение возмущения в ироничной форме.]

– Это, **кажется**, его подъезд.

– Мне нравится это твое “**кажется**”. Так **точно этот** или **кажется**?

– **Точно этот**.

(Т/к РТР “Планета”; X/ф “Несовершенная женщина”)

Приведенные примеры весьма отличаются друг от друга по качеству и напряженности эмоций: возмущение, раздражение, гнев, ярость, недоверие, твердая уверенность и т.п. Но всех их объединяет одно: эти эмоциональные состояния, реализуемые с помощью персуазивов, “спровоцированы” внешними факторами и получают *внешние проявления* в виде ответных реакций, структурированных персуазивами; они выражают смысловые комплексы из семантических областей *уверенности* или *неуверенности*.

Внешние раздражители могут приводить не только к внешним ответным реакциям, но к *глубоким внутренним переживаниям*, тяжелым эмоциональным состояниям, потрясениям, ситуациям потока сознания и подсознания, шоку, пограничным состояниям психики.

Рассмотрим примеры:

1) *Ведь и сегодня туристы даже в Бухенвальде и Освенциме, глядя на горы человеческих костей, на газовые топки <...> восклицают: “**Неужели это было** на самом деле?!” **Они знают, что это было, видят, что было**, и все-таки...*

2) [Премьер-министр Японии Джиро Йошида совершает прогулку по израильской земле, и его охватывают эмоции при встрече с крестьянином.]

*И вот теперь, наконец, Джиро Йошида увидел деда, **увидел как наяву, и ни на грамм не сомневался, что видит именно своего деда**, Тошио. Больше того — он увидел на этих виноградных террасах и своих куда более древних предков. <...> **Удивительное ощущение каких-то биологических токов**, соединивших его тело с этой землей, **поразило** Джиро.*

(Э. Тополь “Завтра в России”)

3) *Увидев перед собой убитого Шурика, магистр испытал даже **не страх, а горчайшее, сокрушительное разочарование**. Так он и знал. Все это сон. Обыкновенный сон. <...> **Сейчас зазвонит будильник**, надо будет*

*вставать, чистить зубы. <...>. Есть и другой вариант, менее приятный <...>
Это не сон, сумасшествие.*

(Б. Акунин “Алтын-толобас”)

Как видим, внешние раздражители способны вызвать сильные эмоции, напряженные психические состояния, причем реакции проявляются внешне или *внутренне*. Внешние реакции раскрывают позиции партнеров коммуникации; внутренние реакции передают психоэмоциональное внутреннее состояние языковой личности, его переживания.

Отметим еще одну особенность: языковую личность может возмущать не только персуазивная позиция партнера, но и *средство* выражения. В этом случае последний вынужден оправдываться, объясняться.

Почему я пишу “кажется”, ведь я сам знаю наверно, что сочинил, но мне все мерещится, что это где-то и когда-то случилось как раз накануне Рождества в каком-то огромном городе и в ужасный мороз. (Ф. Достоевский “Мальчик у Христа на елке”)

Остановимся еще на одном интересном типе внешних раздражителей: это нейтральная, лишенная какого-либо намека на эмоциональный потенциал информация, в первую очередь, относящаяся к научной, точнее научно-популярной. Но в подобной объективированной информации, где присутствие субъективного начала (Я-Эго) сведено к нулю, могут быть компоненты содержания, способные вызвать сильные эмоциональные состояния.

Итак, внешние раздражители, как показывают наблюдения, способны вызвать весьма напряженные эмоциональные реакции, сформированные и реализованные с помощью самых разных персуазивных средств. Причем, ответная реакция проявляется двумя способами: *внешним* (порой в виде бурного выражения эмоций) и *внутренним* (когда языковая личность переживания, сложнейшие эмоциональные состояния “переклюкает” на свой внутренний мир, что не может не иметь в качестве результата различные нежелательные состояния: депрессию, страхи, ужас, пограничье (между сном и явью), психические болезни, расстройства...).

Персуазивные эмоциональные состояния, обусловленные внутренними причинами

Здесь попытаемся рассмотреть эмоциональные состояния, спровоцированные особенностями внутреннего мира.

Рассмотрим примеры:

1) *Хотелось, чтобы поскорей чем-нибудь кончилась эта тягомотина, когда не дома и не в гостях, то ли живешь, то ли спишь себе в долгом недобром сне.* (В. Распутин “Прощание с Матерой”)

2) *Только при этой облегченности и себя чувствуешь как-то не во весь свой вес, без твердости, и надежности, будто любому дурному ветру ничего не стоит подхватить тебя и сорвать <...>; какая-то противная неуверенность точит и точит: ты это или не ты.*

(В. Распутин “Прощание с Матерой”)

3) *Люблю ли тебя, я не знаю, но кажется мне, что люблю.*

(А.К. Толстой “Средь шумного бала”)

4) [Поток сознания полицейского.]

В одном Марофке безусловно **прав**: он, Пагель, ничего в арестантах не смыслит, зато Марофке смыслит в них очень много. Когда Пагель заговаривал с ними, они были очень приветливы, <...> на него они производили впечатление людей простодушных <...>. Но впечатление это **несомненно обманчивое**, стоит только подумать и сразу становится ясным: **невозможно**, чтобы это были простодушные, приветливые люди.

(Г.Фаллада. Волк среди волков.)

6) **Никогда не забуду (он был, или не был,**

Этот вечер): пожаром зари

Сожжено и раздвинуто бледное небо,

И на жёлтой заре – фонари.

(А. Блок “В ресторане”)

7) Ты подумай, как я живу: **Я сам** себя даже не чувствую. **Живу ли я, или жил ли я** – такие задаю себе вопросы. (С. Есенин. Собр.соч., т. III.)

8) Внезапно проснувшись ночью в кромешной тьме от **жуткого страха**, я спрашиваю себя: **не в гробу ли я проснулся**. Я осторожно носом касаюсь мягкого теплого одеяла. **На гроб не похоже. А может**, я в полотнище закутан, а доски гроба чуть выше? <...> **Наверное, так люди начинают сходить с ума**. Так к людям подкрадывается **безумие**. Но может быть, я давно **шизофреник**, только **окружающие меня пока не раскусили? Это вполне допустимо**.

(В. Суворов “Аквариум”)

9) ...Зыбин лежал и думал. То, о чем говорил Буддо, было **совершенно невозможно**. Бить тут не могли, как не могли, например, **есть человеческое мясо**. Орган высшего правосудия, официальная государственная инстанция, где еще жил, обитал дух рыцаря Октября Железного Феликса, — **не мог, не мог, никак не мог** превратиться в суд пыток. Ведь во всех биографиях Дзержинского рассказывается о том, как он чуть не расстрелял следователя, который не сдержался и ударил подследственного. И ведь когда это было? В годы гражданской войны и белогвардейских заговоров. <...> **Нет-нет, как бы плохо о них он ни думал, но бить его не могут**. В этом он был уверен. Но так думала, так верила только одна **логичная, здоровая половина его головы** — **другой же, безумной и бесконтрольной**, он знал так же твердо другое: **нет, бьют**, и бьют по-страшному! Эта мысль пришла в первый раз ему в голову, когда он прочел речь обвинителя на одном из московских процессов (“разговоры о пытках, — сказал тогда Вышинский с великолепной легкостью, — **сразу же отбросим как несерьезные**”) и особенно, **конечно**, когда увидел страшные показания обвиняемых на самих себя. Он не был юристом, правом никогда не интересовался, <...> но то, что обвиняемые наперебой друг перед другом топят сами себя, что свидетелей на эти торжественные, чуть ли не ритуальные заседания приводят и уводят под конвоем, а никаких **иных доказательств нет**, — все это ему казалось **такой нелепостью, таким бредом**, что он чувствовал: **объяснить это можно только одним — бьют**. И даже не только бьют, **но еще и пытаются**. И лучше уж не думать, как пытаются.

(Ю. Домбровский “Факультет ненужных вещей”)

Пытаясь заглушить химерические страхи, герой выстраивает целый ряд неопровержимых аргументов-доказательств в пользу того, что в советской тюрьме эпохи Сталина не могут *бить и пытаться*, т.к. это невозможно, как невозможно есть человечину. Но так думала здоровая часть сознания, а больная знала правду: бьют и пытаются. И тут *никаких сомнений*, т.к. герой знал, что живет не в рациональном, а иррациональном социуме, где нет ничего невозможного.

10) [Поток сознания и подсознания перед самоубийством, где отражаются тончайшие “движения души”.]

Странно, у меня такое ощущение, будто я уже не здесь. Будто в этом мире уже ничто меня не касается. Будто я умирающий, от которого все отходит... <...> Все ускользает, и я не нахожу в мире ничего, за что бы ухватиться... Но ведь я не умирающий, я совершенно здоров. Или какие-то клетки во мне уже знают, что им придется умереть? Может ли быть, что смерть — это не только уничтожение, вызванное болезнью, но и разрушение тела силою мысли? Неужто я и в самом деле предатель?.

(Г. Фаллада “Волк среди волков”)

12) [Поток персуазивного сознания, отражающий самооценку.]

Конечно, сыщик из него никудышный, это ясно и ежу. Кажется, сегодня ежу уже было что-то такое ясно, только Волков никак не мог вспомнить, что именно. Что-то было ясно, а потом оказалось, что неясно.

(Т. Устинова “Там, где нас нет”)

13) [Языковая личность в режиме репортажа передает тяжелейшее психоэмоциональное состояние.]

Я сказал вам, что вижу, <...> и, разумеется, вижу, вижу так, как вас... А иногда вижу, и уверен, что вижу, и не знаю, что правда, я или он... Вздор все это... А вы разве никогда не можете предположить, что это и в самом деле бесы?

(Ф. Достоевский “Бесы”)

14) [Состояние эмоционального срыва, передаваемое с помощью персуазивных перепадов.]

<...> Куда лечу я? Может, к Богу? Бога нет! А может, все-таки, к Богу? Помогите мне, Господи!

(В. Суворов “Аквариум”)

Думается, что и приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться, насколько активно задействована персуазивность в отражении сложнейших внутренних психоэмоциональных состояний *Я-Эго*, насколько широки ее возможности в проявлении языковой личностью глубинных сознательных и подсознательных импульсов внутреннего *Я*. Это тяжелые, мучительные состояния *между сном и явью* (<...> *то ли живешь, то ли снишься “в долгом, недобром сне”*).

Это душевные мучения, связанные с *зыбкостью, сложностью своего положения и отношений с окружающими* (“*Меня мучили сомнения. Все было зыбко*”).

С помощью персуазивности языковая личность структурирует эпатажные, шокирующие переходы: (“*Никогда не забуду (он был, или не был) / этот вечер*”), где вторая часть информации перечеркивает абсолютную уверенность, представленную в первой части, переклюкая ее в русло “*сна-яви*”, сомнений, неуверенности.

Языковая личность через персуазивность передает крайне депрессивные состоя-

ния, обусловленные философской, экзистенциалистской позицией (“**Я сам себя даже не чувствую. Живу ли я, или жил ли я – такие задаю себе вопросы**”).

Я-Эго часто передает внутреннее состояние крайнего страха, ужаса, колебаний: (“**не в гробу ли я проснулся. <...> Наверное, так люди начинают сходить с ума**”).

Итак, анализ внутреннего психоэмоционального **Я**, обусловленного внешними и внутренними раздражителями, приводит к мысли, что категория персуазивности способна дать языковой личности возможность формировать и реализовать если не все, то многие эмоциональные переживания, состояния, причем, в основном отрицательного ряда: **неприятие, раздражение, возмущение, упрек, гнев, ярость, страх, смятение, смущение, ужас, пограничье, срыв в душевные расстройства, психические болезни.**

Рассмотренный материал убеждает в том, что не только “**Чужая душа потемки**”, но и “**Своя душа потемки**”, а подтверждает мысль Ов.Туманян: “**Мы не знаем и не понимаем даже самих себя**”. (Ов.Туманян “Мысли”) И это созвучно мнению: “**У нас все мечта и призрак, все мнится, и кажется, и чудится**” (Арутюнова 1999:830).

Как видим, персуазивность – это мощная психоэмоциональная категория, которая дает широкие возможности языковой личности выражать свои эмоции во всем их разнообразии и многогранности.

Психоэмоциональное Я и прагматическая/ проективная персуазивная информация

Термины прагматическая (прямая) и проективная (переносная) информация, как известно, введены в лингвокультурологический обиход Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым. Под прагматической авторы понимают *прямо* построенную, нацеленную на адекватное, однозначное восприятие информацию. *Проективная* информация, напротив, выражает передаваемое не прямо, а переносно, иносказательно, посредством соотнесения с другими явлениями (Верещагин, Костомаров 1986:187).

Известно, что переносно построенная информация, как правило, сопровождается повышенным эмоциональным фоном. Большинство из вышеприведенных примеров – свидетельство тому.

Приведем примеры (некоторые из них представлены выше):

- 1) *Девушка, я, **кажется**, ясно выразился. Я ничего не продаю.*
(X/ф “Искатели приключений”)
- 2) [Перри Мейсон – владелица музея картин, одну из которых похитили.]
Перри Мейсон. *Почему вы сразу не обратились в полицию?*
Владелица. **Кажется**, вас это не касается!
Перри Мейсон. **Мне кажется**, это касается суда!
(Т/к “Культура”, т/с “Перри Мейсон”)
- 3) [Муж всю ночь не был дома. Жена требует объяснений.]
Тебе не кажется, что ты мне **должен дать объяснение? Где ты был?**
(X/ф “Странная любовь миссис Астер”)

В этих контекстах “**кажется**” реализует не значение из области **неуверенности**, а эмоциональную констатацию, сопровождающуюся выражением возмущения.

4) [Дживс, слуга молодого аристократа – шалолая Вустера расстраивает помолвку хозяина, т.к. будущая невеста не по душе Вустеру.]

Вустер. *Признайся, Дживс, что все это ты подстроил.*

Дживс. *Не сочитите за дерзость, но я сомневаюсь, что эта молодая ле-ди вам подходит.* (Т/к “Культура”, англ. т/с “Дживс и Вустер”)

Персуазивная составляющая здесь: “Я абсолютно уверен, что ваша невеста вам не подходит.”

5) [Проективная персуазивная (при повышенном эмоциональном фоне) битва. Герой, Паша Колокольников, в незнакомой деревне очень свободно ведет себя на танцплощадке, что крайне раздражает местных молодых людей.]

– *А тебе не кажется, что ты тут развел бурную деятельность?*

– *Нет, не кажется.*

– *А нам кажется.*

– *Креститься надо, когда кажется.*

(Х/ф “Живет такой парень” по В. Шукшину)

Если перевести этот контекст-персуазив в прямой прагматический режим, то он будет выглядеть следующим образом: “Парень нам не нравится, как ты себя ведешь./ Я так не думаю./ Это именно так, и может плохо кончиться для тебя./ Я не боюсь ваших угроз”.

6) [Помощники следователя Кулагина (он и она) идут допрашивать известную на весь город учительницу химии, подозреваемую в отравлении наркodelьцов. Она не может даже мысли допустить, что это так.]

А не слишком ли мы торопимся?

(Т/к “Россия”, т/с “Кулагин и партнеры”)

Этот проектив можно расшифровать как: “Абсолютно уверена, что учительница не могла совершить убийство”.

7) *Еще десять ужасных минут, и снова кельнер. На этот раз он принялся вытирать столик и делал это, кажется, два часа, потом два часа стоял у стола и, наконец, отошел.* (М. Твен “Запоздалый русский паспорт”)

8) – *Вы раньше никогда его не видели?*

– *Совершенно определенно – нет.*

– *Можете быть в этом уверены?*

– *Анастасия Павловна, у меня хорошая зрительная память, и зрение, кстати, отличное.* (А. Маринина “Реквием”)

Прагматическое прочтение: “– Вы говорите правду?/ – Я возмущен недоверием ко мне”.

Все приведенные выше персуазивы-проективы объединяет то, что они более или менее привязаны к прагматическому контексту (прямому прочтению), их нетрудно расшифровать, так как это в некотором роде повторяющиеся реализации.

Но есть проективная персуазивная информация, которая носит окказиональный характер, целиком и полностью зависит от контекста реализации. Приведем пример:

[Диалог между знаменитым сыщиком Коломбо и секретаршей преступника.]

- Шеф дома?
- **Я в этом не уверена.**
- **А разве дом такой большой?** (Т/к “ОРТ”, т/с “Коломбо”)

В контексте фильма прямое прочтение данного фрагмента следующее:

- “Шеф дома? [И отвечать не надо, т.к. знаю, что дома?]”
- Не скажу, не выдам своего шефа.
- Ну и глупо: и ты, и я прекрасно знаем, что он дома, и этого факта не скрыть”.

Вспомним также один из самых знаменитых эмоционально насыщенных проективных персуазивных контекстов – начальные строчки “Божественной комедии” Данте Алигьери – своеобразный ключ ко всей поэме: “Земную жизнь пройдя до половины, / Я очутился в сумрачном лесу, Утратив верный путь во тьме долины.” Во всех комментариях к поэме подчеркивается, что *сумрачный лес* – это внутренние колебания, сомнения и т.п. в Божественной организации мироздания, что для средневекового менталитета – явление неприемлемое, недопустимое.

То, что именно так надо понимать первые строчки поэмы, свидетельствуют не только комментарии специалистов, но и реализация этого фрагмента как клише в соответствующей ситуации. Так, герой-интеллектуал в кризисной ситуации пьет и цитирует Данте: “Земную жизнь пройдя до половины, / Я очутился в сумрачном лесу”.

Это значит, что данное выражение, ставшее крылатым, реализуется языковой личностью в ситуациях глубоких переживаний, смятений, колебаний, перенапряжений, с его помощью передается: “Я в сомнениях, колебаниях, депрессии...”

К проективной информации, обладающей определенным эмоциональным зарядом, можно отнести все стилистические ресурсы языка – персуазивы типа: “Бабушка надвое сказала”; “Темна вода во облацех”; “Свежо предание, да верится с трудом”; “Голову даю на отсечение”; “Сомнения грызут/ точат/ раздирают...”; “Что вы мелете/ несете?!”; “Чушь! Бред!”; “Сто пудов!”; “А то!”; “Яснее ясного!”; “Бог знает/ ведает”; “Чужая душа потемки”; “Дитю/ дураку/ ежу/ козе понятно” и под. Эти очень разные по лингвистической природе персуазивы (фразеологизмы, пословицы, поговорки, крылатые выражения, стационары...) объединяются в одну группу, потому что: а) выражают значения из семантических областей *уверенности* и *неуверенности*; б) придают информации эмоциональность.

Приведем несколько примеров:

1) [Диалог между сыном, который колеблется в своей избраннице, и матерью, которая знает истинное положение дел.]

Он. Я запутался, не знаю, как быть.

Она. **Просто открой глаза!** (Т/с “Полюбить вновь”)

Здесь стационарное предложение **Просто открой глаза** – сложный персуазивный текст, который можно семантизировать как: “Ты ослеп от любви, оторвался от реальности, не видишь истинного лица своей избранницы”.

2) –Гутюша, **ты уверен, что это правда**, не взяли тебя на понт?

- **Железо**, – заверил Гутюша без всякой обиды.
(И. Хмелевская “Тайна”)
“Железо” с точки зрения персуазивности расшифровывается как: “*И не сомневайся, что именно так, как я говорю.*”
3) – Пушкин написал “Евгения Онегина”, А Лев Толстой “Анну Каренину”.
– **Вы уверены, что не наоборот?**
– **Сто пудов!** (Т. Устинова “Хроника гнусных времен”)

Здесь два эмоциональных фронта: один из партнеров с помощью персуазива “*А вы уверены, что не наоборот?*” подтрунивает над партнершей; а последняя с помощью персуазива “**Сто пудов**” в эмоциональной форме призывает “*И не сомневайся, что так*”.

Стилистические ресурсы-персуазивы дают возможность структурировать игру слов, каламбуры.

Приведем примеры:

- 1) [Следственная группа обсуждает очередной тяжелый случай: “глухое убийство”.]
Майор Ларин [комментирует]: **Дело ясное, что дело темное.**
(Т/с “Улицы разбитых фонарей”)
2) – **Так вы уверены или предполагаете?**
– **Я всегда уверенно предполагаю.** (Т/с “С продолжением...”)
В данных примерах, как видим, имеем дело с персуазивными оксюморонами; а значит, наблюдается эффект “двойной эмоциональности”.
3) “*Что она к нему привязалась, – думал Волков с тоской. – Ну, ничего же нельзя сделать, это и ежу ясно. Ежу, может быть, и ясно, но только не его жене: она всегда отличалась упорством*”.
(Т. Устинова “Там, где нас нет”)
4) [Агента национальной безопасности Алексея подставили, смонтировав пленку, где видно, как он убивает человека.]
Алексей. **Так это же и ежу понятно, что меня подставили!**
[Один из начальников о другом.] – **Ежу понятно, а Ивану Ивановичу непонятно.**
(Т/с “Агент национальной безопасности”)
Прагматическое прочтение данной информации: “*Иван Иванович – круглый дурак*”.

При рассмотрении проблемы персуазивной психоэмоциональной языковой личности небезынтересно исследование и вопроса об *определениях*. Ясно, что когда речь идет о дефинициях, это относится, в первую очередь, к проблеме “**Я-мыслительное**”, т.к. основной путь познания, как известно, – это путь определений. Но языковой материал показывает, что персуазивные определения очень часто бывают и эмоциональными. Рассмотрим примеры:

- 1) *Только при этой облегченности и себя чувствуешь как-то не во весь свой вес, <...> будто любому дурному ветру ничего не стоит подхватить тебя и сорвать <...>. Какая-то **противная неуверенность**.*
(В. Распутин “Прощание с Матерой”)

- 2) **Тяжелые сомнения** охватили меня, не дали в ту ночь спокойно спать.
(Г. “Данилевский Княжна Тараканова”)
- 3) Подозреваемый Корольков освобождается из зала суда за наличием **непреодолимых сомнений** в его виновности.
(Т/к ОРТ, т/п “Федеральный судья”)
- 4) Вальзер <...> истинно благородный, достойный человек, в чем Корнелиус никогда **не сомневался**. Ну, разве что в минуту слабости, когда лежал в холодной тесной щели. **Постыдная гадина шевельнулась в душе, зашипела**: “Это он тебя спасти хотел, боялся, чтоб ты его под пыткой не выдал.
(Б. Акунин “Алтын-толобас”)
- 5) В этих строках – горькие упреки по адресу семьи <...>, и твердая, даже **гордая уверенность** в своем призвании, в своих творческих силах.
(А. Соловцов “Римский-Корсаков”)
- 6) В разгар **тягостных** сомнений зазвонил телефон.
(Б. Акунин “Алтын-толобас”)
- 7) <...> настроение у нее было хорошее. **Большая, дающая счастье уверенность** наполняла ее.
(Г.Фаллада. Волк среди волков.)
- 8) Теперь Корнелиус говорил уже не горячо, а спокойно – откуда-то на капитана снизошла **твердая, непоколебимая** уверенность.
(Б. Акунин “Алтын-толобас”)
- 9) На этот шаг я пошел после **мучительных** сомнений.
(Б. Акунин “Алтын-толобас”)
- 10) Все разужнаю, проверю, иначе **сосущая неопределенность** добьет меня окончательно.
(И. Хмелевская “Тайна”)
- 11) Меня терзают **смутные сомнения**: у Шпака – магнитофон, у посла – медальон.
(Х/ф “Иван Васильевич меняет профессию”)

Языковой материал, как видим, изобилует *определениями-эпитетами*, характеризующими персуазивные психоэмоциональные состояния. Причем это могут быть и “*определения-проективы*” (*постыдная гадина*, т.е. сомнение, которое представлено в виде ползучего, шевелящегося в душе гада).

Можно сделать и следующее наблюдение: положительные эмоции связаны с блоком значений из области *уверенности*: *радостная, твердая, гордая, непоколебимая*; и наоборот, значения *из области неуверенности* отягощены отрицательной аурой: *противная, сосущая ... неуверенность*.

С особым пристрастием относится *Я-психоэмоциональное* к феномену *сомнение*, точнее – отвергает его. Сознание, подсознание, эмоциональный мир *Я-Это* восстают против этого персуазивного феномена, что четко отражается в определениях-эпитетах: *сомнение* бывает *тяжелым, смутным, тягостным, мучительным, гложущим: грызущим, сосущим, точащим, душащим, раздирающим* и т.д. Это *постыдная гадина*, шевелящаяся в душе *Я-Это* и терзающая ее.

А это значит, что языковая личность характеризуется еще одним “персуазивным” качеством – качеством повышенного эмоционального отношения к определенным персуазивным феноменам. Речь идет о феномене “сомнение”. Осмысление данного феномена интересно тем, что отношение к нему весьма противоречиво.

Обыденное сознание, миропонимание “от здравого смысла” отражает крайне отрицательное отношение к *сомнению*. Здесь оно прямо или косвенно сравнивается или

отождествляется со всем тем, что потрясает внутреннее **Я** человека. Сомнение – это враг *единства, целостности, согласия, гармонии*; оно несет в себе идею *борьбы, разделения, несогласия, разрушения, отчуждения, энтропии* и т.п.

Все ассоциативные ряды, которые выстраивает *сомнение*, как выявляет языковой материал, относятся к области *страхов, химер, кошмаров*... Эта разрушительная сила способна *уничтожить психоэмоциональное Я* личности. Приведенные стилистические ресурсы, а также определения-эпитеты – полное подтверждение данной мысли. Это же подтверждается и психологами: “Постоянные *страхи, стрессы, сомнения* приводят к *физическим расстройствам и к тяжелой болезни*. Сомнение порождает *мнительность*” (психолог С. Худоян, т/к “АР”, т/п “Внутренний мир”). А *мнительность* – основа душевных расстройств, смертельной болезни: “*Рак моих сомнений*”. (Т/к “АР”, т/п “Монолог”)

Сомнение ввергает **Я-Эго** в состояния пограничья “*сна-яви, бреда, потери контроля над собой*”. Весь проанализированный в исследовании материал – доказательство тому. Приведем еще примеры:

1) *Я и сам как во сне. Знаете, он упомянул имя Телятникова, и я думаю, что этот и прятался в снях. Да, вспомнил, он предлагал прокурора и, кажется, Дмитрия Дмитриевича, и я, кажется, очень стал просить его скрыть, очень... (Ф. Достоевский “Бесы”)* [Сбивчивая, невнятная, полная персуазивов речь Степана Трофимовича свидетельствует о его полубредовом состоянии].

2) *Зов предков слыша сквозь затихший гул, / Пошел на зов – сомненья кралась с тылу.* (В. Высоцкий “Мой Гамлет”)

3) *Я ненавижу сплетни в виде версий, червей сомненья, почестей иглу.* (В. Высоцкий “Я не люблю”)

4) “*Постыдная гадина (сомнение) шевельнулось в душе и зашипела*”. (Б. Акунин “Алтын-толобас”)

5) *Сердце терзается мучительными сомнениями в том, есть ли Бог.* (Т/к “Культура”, т/п “Неизвестная Европа”)

6) *Мнительность разъедает душу, мешая понять, где добро, а где зло, толкает на ошибки.* (Т/с “Незнакомец”)

7) *Меня захлестнули волны сомнений.* (Т/к “Культура”, т/п “Библейские сюжеты”)

[Сомнение выстраивает ассоциации с концом света – Всемирным потопом.]

Итак, для обыденного сознания сомнение – это концентрация *страхов, мрака, хаоса, болезней души и тела*, всего того, что приводит к смерти.

Языковой материал абсолютно однозначно подтверждает мысль о том, что человек “<...> **вместилище потрясений, сомнений, страхов**” (Т/к “Культура”, т/п “Л.Н. Толстой”). И самая тяжелая, мучительная ассоциация – это ассоциация с главным страхом человека, **страхом смерти**.

Солидарен в осмыслении феномена “*сомнение*” с повседневным дискурсом и религиозный дискурс, где четко представлено отношение к нему в виде прагматической информации: “**Сомнение – первый враг Веры. Узрит Божественный Свет и, соответственно, обретёт вечную жизнь в Царствии Небесном только тот, кто непоколебим в Вере**” (подробнее об этом см.: Ламбарджян 2013).

Но не все так однозначно в психоэмоциональном мире человека: антонимичной точки зрения придерживается творческое (креативное) сознание. Здесь “**сомнение**” понимается как нечто исключительно положительное, являющееся движущей силой на пути цивилизации.

- 1) **Здоровые сомнения** двигают науку вперед.
(Т/п “Очевидное-невероятное”)
- 2) <...> в основе любой **творческой деятельности** лежит **сомнение**.
(Л. Додин, режиссер. Т/к “Культура”, т/п “Белая студия”)
- 3) **Тот, кто не сомневается, тот не узнает правду. Человек думающий** – это человек **сомневающийся**.
(Я. Засурский, Т/к “Культура”, т/п “О Большом театре”)
- 4) **Умные** пребывают в **сомнениях**, **глупые** в **уверенности**.
(сайт “Новости”).
- 5) **Все настоящие художники должны сомневаться**.
(Х/ф “Два капитана” по В. Каверину.)
- 6) **Ведь интеллигенция по определению состоит из людей, вечно подвергающих все сомнению. Они все анализируют, во всем сомневаются...** Она, интеллигенция, – дрожи в общественном тесте.
(В. Познер “Прощание с иллюзиями”)

Следовательно, **сомнение** – основной дифференциальный признак умной, творческой, интеллигентной личности. И это позволяет выстроить антонимичный ряд: повседневный дискурс, миропонимание “от здравого смысла”/ творческое сознание.

Языковую личность, ее эмоциональную сущность глубоко волнуют некоторые, на первый взгляд, незначительные персуазивные явления, в частности, средства ее выражения. Особенно отличается в этом отношении словечко **как бы**, приобретшее удивительную популярность в разговорной речи последних десятилетий. Это словечко многолико. Оно может быть *словом-сорняком*, когда говорящий почти после каждого слова вставляет его, и при этом оно не несет никакой функциональной или смысловой нагрузки. Например: “Ну, **как бы** Петр приехал **как бы**... домой”.

Оно может быть отражением определенных социальных тенденций: многие представители шоу-бизнеса, так называемые гламурные особы, любят употреблять в своей речи словечко **как бы**, желая этим подчеркнуть, что они отнюдь не простые смертные и за их речью стоят глубокие мысли. Фанаты любят подражать им.

Как бы может структурировать проективную (иносказательную) коммуникацию, где один из коммуникантов с помощью данного словечка угрожает с позиций силы, а другой всячески хочет ускользнуть от прямых ответов, и в этом ему опять помогает словечко **как бы**.

[Хозяин торгового центра обо всем прекрасно осведомлен и строго предупреждает своего проштрафившегося заместителя]:

– Они все никак не могут найти твоего друга рекламщика. Вот ты **случайно не знаешь**, где он? (В. Курочкина)

– Он мне не друг.

– А мне **казалось**, что вы дружили.

– Я со многими здесь, в торговом центре **дружу, или делаю вид, что как бы дружу**.

– В общем **как бы**, если я узнаю, что ты **как бы** причастен к этой афере Курочкина, я тебя...

– Я не причастен...

– Ладно, **как бы**...

(Т/с “Торговый центр”)

Словечко **как бы** может быть и сигналом действительно глубокой философской, проецирующей на обыденное сознание и, естественно, социальную жизнь **болезни**. И болезнь эта – результат преломления идей субъективизма, главный лозунг которого: “Истина – это “субъективность”. Бытие утратило прежнее понимание; оно стало субъективным” (Философия 1999:135).

Как бы является одним из ярких манифестантов этого миражного видения мира. Сущность болезни по имени “**как бы**” можно семантизировать следующим образом: “Я не уверен ни в чем, ни о чем не могу сказать, что это достоверно; так как для меня все есть мираж, “кажимость”, и все не на самом деле, а **как бы**”. И даже в самой сильной для **уверенности** позиции, а именно, при наличии параметров “Я – здесь – сейчас непосредственно наблюдаю конкретное явление”, “смещенная” языковая личность сигнализирует, что для нее и это – мираж. Рассмотрим пример: на фоне пожара интервьюер излагает свои мысли репортеру: “Ну, тут **как бы** пожар. Только что с третьего этажа **как бы** выбросили на одеяло трехлетнего мальчика...”. В чем причина такого подхода к жизни? Видимо, в том, что это очень удобная позиция для **Я-Эго**, позволяющая освободить себя от любой ответственности.

Именно эту философскую (социально опасную) позицию, увидел и блестяще семантизировал Е. Евтушенко в своем произведении “В государстве по имени КАК БЫ”. Приведем текст произведения:

За последние два-три года в русский разговорный язык заползло да и расплозлось по всей стране двусмысленное словечко “**как бы**”, которое **как бы** все ставит под сомнение, а в то же время своей **как бы** ухмылочкой **как бы** успокаивает нашу **как бы** совесть... К чему **бы** это, а?

Я живу в государстве по имени **КАК БЫ**,
где, как это ни странно,
нет улицы Кафки,
где и Гоголя **как бы** читают,
а **как бы** и Хармса,
где порой **как бы** любят,
но **как бы** и не без хамства.

“Это правда, что все
как бы пьют
в государстве по имени **КАК БЫ**?”
Есть, кто **как бы** не пьет,
и, поверьте мне,
как бы ни капли...

“Что вообще за народ эти самые ваши **КАКБЫЙЦЫ**?”
Как бы милый вполне,
но бывают порой **как бы** воры и **как бы** убийцы...
В основном все мы **как бы** радушны
и **как бы** достойны.
Все у нас поголовно за мир,
но бывают порой **как бы** войны.
В стольких кухоньках – **как бы** Чечня,
где побоища, словно с врагами,
ножами кухонными и утюгами.
Наше **КАК БЫ** – везде,
словно будничное полоумье.

Как бы судьи в суде,
как бы думающие – в Думе.
Мне раскрыла **КАКБЫЙКА**
одна
свою крошечную **как бы** тайну:
“Я в вас **как бы** навек влюблена...
Вас читаю и **как бы** вся таю...”
Я хочу перед Богом
предстать
как я есть,
а не **как бы**,
не вроде –
лишь бы “**как бы** счастливым” не стать
в “**как бы** жизни”
и “**как бы** свободе”.

Поэт дает блестящий анализ сущностных характеристик **бездны** под названием “**как бы**”: “Сомневайся во всем и успокой свою совесть, т.к. ни за что не стоит быть в ответе”.

Все миражно, “невсамделишно” в государстве **КАК БЫ**. “Что вообще за народ эти ваши КАКБЫЙЦЫ?” – задает вопрос Е. Евтушенко (Заметим, что КАКБЫЙЦА прямо ассоциируется со словом **убийца**). Это народ – как бы мирный, но **как бы** бывают войны, <...> КАК БЫ везде, – словно “**будничное полоумье**”.

Автор считает позицию **КАК БЫ** тяжелейшей душевной болезнью, называя это состояние “**будничным полоумьем**”. Поэт предпочитает предстать перед Всевышним **истинным**, таким, как есть, даже с грузом грехов, чем быть “**как бы счастливым**”. Из текста произведения явствует, что осмысление бытия с позиций **КАК БЫ** вызывает у автора чувство, страха за будущее человечества.

Миражность, кажимость, абсолютная безопорность могут вызывать и глубокое страдание.

Приведем пример:

– <...> **Значит, вы тоже не верите?**
– Во что?
– В то, что войска окружили город и расстреляли три тысячи рабочих
<...>.

Священник измерил его взглядом, **полным сострадания**.

– Ах, сын мой, <...> **с меня было бы достаточно веры в то, что мы с тобой сейчас существуем.** (Г. Маркес “Сто лет одиночества”)

Но можно относиться менее трагично к описанной ситуации. Более того, можно представить абсолютную безопорность человеческого существования весело, иронизируя. Обратимся к “детской сказочке” (как ее называет автор) Эд. Успенского:

Одну простую сказку, А может и не сказку,	А может быть корове Му, му, му, му... Однажды повезло: Прислал ей кто-то сыра, Грамм думается двести, А может быть и триста, А может полкило!	А может и поужинать Спокойно собралась. <...> ***
А может не простую Хотим вам рассказать.	Ее мы помним с детства, А может и не с детства, А может и не помним, Но будем вспоминать. Нам помнится вороне, Кар, кар, кар, кар...	Идею этой сказки, А может и не сказки, Поймет не только взрос- лый, Но даже карапуз,–
А может быть собаке Гав, гав, гав, гав...	На ель она взлетела, А может не взлетела? А может быть на пальму С разбега взобралась? И там она позавтракать, А может пообедать,	Не стойте и не прыгайте, Не пойте, не пляшите, Там, где идет строительст- во, Или подвешен груз!

Ирония задается с первых же строк “Одну простую сказку...” и человеческое восприятие адресата настраивается именно на сказку, но тут же это утверждение берет-

ся под сомнение: “А может, и не сказку,/ А может не простую <...>”, т.е. расшатывается весь логический ключ к тексту, и продолжение остается в русле именно данного мировосприятия: **все сомнительно, все мираж, все кажимость**. Завершает “простую сказку” Эд. Успенский эпатажно: оказывается, что вся эта череда **может быть**, передающих абсолютную миражность мира, где **абсурдность бытия** является смысловой доминантой контекста, была посвящена назиданию: “Не стойте и не прыгайте,/ Не пойте, не пляшите,/ Там, где идет строительство,/ Или подвешен груз”.

Подведем некоторые **итоги** исследования. Модусная (субъективная) категория **персуазивности** эмоционально весьма многогранна; она обладает большими возможностями в отражении внутренних психоэмоциональных состояний **языковой личности**, а также в выражении самых разнообразных чувств – положительных и отрицательных (с большим перевесом в пользу последних).

Эмоциональный персуазивный фон информации и коммуникации обеспечивается разными способами и средствами, главные из которых, – стилистические ресурсы – персуазивы и проективно (переносно) построенные контексты.

Персуазивность принимает активное участие в психоэмоциональных начинаниях **языковой личности**: в отражении сложнейших внутренних состояний, в экспликации самых разнообразных эмоций – от радости до возмущения, гнева, ярости, страха, ужаса, состояния пограничья и т.п.

И так как главная цель антропоцентрического лингвокультурологического анализа – это реконструкция **языковой личности**, то попытаемся дать основные штрихи к портрету **Я-психоэмоционального персуазивного**: это личность неоднозначная, смятенная, нестойкая; личность, пребывающая в страхе, тревогах, порой доводящих до физических болезней и психических расстройств (мнительность, депрессия). Это личность мятущаяся, “**потерянная сама в себе**”, передающая в репортажном режиме свои болезненные эмоциональные состояния. Это личность, любящая с позиций крайнего субъективизма подтрунивать над адресатом; это и личность-“какбыйца”, которая ко всему равнодушна. Это личность, часто пребывающая в состояниях между рациональным и иррациональным, между сном и явью. Для такой личности не только чужая, но и “**Своя душа потемки**”, ей все “<...> **чудится, мнится, кажется** <...>”.

Категория персуазивности раскрывает некоторые особенности борьбы внутреннего **Я** с собой, передает весь драматизм этой борьбы.

Думается, что анализ подтверждает мысль о том, что персуазивность – один из ключей к психоэмоциональному миру языковой личности; это один из фрагментов языковой системы, который подтверждает мысль В. фон Гумбольдта о необходимости исследования языка “<...> как орудия **мыслей и чувств**”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. (1999) *Язык и мир человека. Языки русской культуры*. М.: Наука.
2. Балли, Ш. (1955) *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. М.: Иностранная литература.
3. Белошапкова, В.А. (1981) *Современный русский язык. Синтаксис*. М.: Высшая школа.

4. Бенвенист, Э. (1974) *Общая лингвистика*. М.: Прогресс.
5. Верещагин, Е.М.; Костомаров В.Г. (1983) *Язык и культура*. М.: Русский язык.
6. Гумбольдт, В. (1985) *Язык и философия культуры*. М.: Прогресс.
7. Ламбарджян, С.П. (1981) *Значения уверенности/неуверенности в разных типах простого предложения в русском языке*. М.: АКД.
8. Ламбарджян, С.П. (2013) *Некоторые наблюдения над языковой сущностью категории “сомнение”*. // Лингвистические исследования. Ереван: ЕГУ.
9. Маслова В.А. (2004) *Лингвокультурология*. М.: Академия.
10. Кожина, Н.М. (2003) *Стилистический энциклопедический словарь*. М.: Флинта.
11. Филипповская, И.А. (1978) *Модальность предложения*. Душанбе: ТаджГУ.
12. Кохановский, В.П. (1999) *Философия*. / Учебник для вузов. Ростов-на-Дону: Феникс.
13. Шмелева, Т.В. (1979) *Смысл и формальная организация двухкомпонентных инфинитивных предложений в русском языке*. АКД, М.: МГУ.

Հոգեհուզական պերսուազիվ եւ-ը

Հոգւածը նվիրւած է սուբյեկտիվ (մոդալ) կարգերից մեկի՝ համոզւածութեան/ոչ համոզւածութեան իմաստների քննութեանը: Վեր են հանվում վերոհիշյալ կարգի՝ անձի զգայական աշխարհը արտացոլելու հնարավորութիւնները: Մասնավորապէս հետազոտվում են համոզւածութիւն/ոչ համոզւածութիւն արտահայտող միավորներն ու դրանց բազմաբնույթ ֆունկցիաները:

Psychoemotional Persuasive I

The paper is devoted to one of the modal categories – persuasion. It reveals the capability of the latter to express emotions. The main focus is on the units expressing persuasion and their varied functions.